

ЖАВОРОНОКЪ

ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1914 г.

Апрѣль.

Выпускъ 4-й.

NEW YORK

WILLIAM WOOD

1851

В. Плякгорстъ.

Ангелъ Хранитель.

Жаворонокъ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Въ пасхальную ночь.

Куда ни выйди, ни взгляни—
Вездѣ—огни, огни, огни,
Въ домахъ, въ церквахъ, на небосклонѣ
Все торжествуетъ, все поетъ,
И жизнь ключемъ гремучимъ бьетъ
Въ пасхальномъ, стройномъ перезвонѣ.

Въ приливѣ новыхъ, свѣтлыхъ думъ
Иду въ лѣса. Зеленый шумъ
Стоитъ въ лѣсахъ, какъ шумъ прибоя,
Въ травѣ синѣютъ васильки,
А въ зеркало степной рѣки
Глядится утро молодое...

Благословенъ и счастливъ будь
Приютъ пѣвца, гдѣ дышетъ грудь
Стихійной вольностью природы,
Гдѣ все—ручи, цвѣты и лѣсъ,
Какъ бы поеть: „Христосъ воскресъ“.

Напоминаетъ снова мнѣ,
Когда, вотъ также по веснѣ,
Любилъ бродить я съ пѣсней-другомъ
То рощей сумрачной, то лугомъ—
Въ родной, далекой сторонѣ.

Я. Тисленко.

Цезарь.

НЕОЖИДАННОЕ НАКАЗАНИЕ.

Начало весны.

Желтѣютъ пчелки красныхъ ветель.
И вотъ опять затѣйникъ-Мартъ
Къ игрѣ веселой пріохотилъ,
Встряхнулъ мальчишескій азартъ.

Поддевки настезь, шапки на-бокъ...
Погнали... цѣлится шалунъ,
И въ цѣпь растянутую бабокъ
Летитъ съ гудѣніемъ чугунъ.

Скосилъ три пары... Споръ и свалка,—
Мальчишка сдѣлалъ лишній шагъ;
Отдать обратно бабки жалко —
И блещутъ слезы на глазахъ.

Но споръ поконченъ и улаженъ.
Шалунъ смѣется первый самъ...
А сверху жалобно-протяженъ
Несется благовѣсть къ часамъ.

Алексѣй Липецкій.

Жарднеръ.

ОПАСНЫЙ ПУТЬ.

Вечеръ въ селѣ.

Въ саду играли дѣти,
А томный соловей
И плакаль, и смѣялся
Подъ легкой шумъ вѣтвей.

Изъ поля возвращались
И люди, и стада,
И было много криковъ
И пѣсень у пруда.

И вскорѣ скрылось солнце
За далью синихъ горъ,
И сталъ дружный и громче
Лягушекъ разговоръ.

И вечера прохлада
Плыла изъ темноты,
Какъ нѣжная отрада
Пылающей мечты.

Павель Зоревъ.

Жарднеръ.

ОПАСНОСТЬ МИНОВАЛА.

ЗОЛОТОЙ КОНЕЦЪ.

Разсказъ И. Н. Потапенко.

1.
Въ богатомъ домѣ, гдѣ было много комнатъ съ высокими потолками, на стѣнахъ висѣли картины въ золоченыхъ рамахъ, а полы были устланы коврами, гдѣ дневной свѣтъ, проникая сквозь зеркальныя стекла огромныхъ красивыхъ оконъ, освѣщала безконечно разнообразныя предметы обстановки, по вечерамъ же заливали ихъ яркій свѣтъ электрическихъ огней, — жилъ и понемногу возрасталъ мальчикъ, котораго звали Родей, полное же имя его было Родіонъ. Въ то время ему стало уже восемь лѣтъ и пошелъ девятый. У мальчика не было ни брата, ни сестры, онъ былъ одинъ у своихъ родителей и потому за нимъ ухаживали, какъ за маленькимъ принцемъ, слѣдили за каждымъ его дви-

женіемъ, боясь, чтобы онъ какъ-нибудь не поскользнулся, не зацѣпился за что-нибудь и не упалъ, смотрѣли ему въ ротъ, когда онъ ѣлъ, опасаясь, чтобы онъ не поперхнулся или не ранилъ себѣ горло косточкой. Все въ домѣ было къ его услугамъ, ему стоило только захотѣть и желаніе его тотчасъ исполнялось, но, само собою разумѣется, если это желаніе не было вреднымъ.

И было странно, и родители никакъ не могли понять этого—почему мальчикъ, у котораго было всего вдоволь и исполнялись всѣ его желанія, росъ такимъ худенькимъ, блѣднымъ и вялымъ, а большіе темные глаза его всегда смотрѣли такъ грустно, улыбка же такъ рѣдко озаряла его смуглое лицо.

Они думали, что въ тѣлѣ его свила себѣ гнѣздо какая-нибудь болѣзнь и звали докторовъ, но тѣ, сколько ни осматривали его и слушали черезъ трубку его сердце, находили, что у него все какъ слѣдуетъ.

И вотъ только недавно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, пришелъ къ нимъ старый врачъ съ длинной сѣдой бородой и, даже не осмотрѣвъ его, а только взглянувъ ему въ лицо, сказалъ:

— Э, да я уже вижу, что это—прекрасное растеніе, которому нуженъ воздухъ, а его держать подъ стекляннмъ колпакомъ. Побольше движенія, игръ и дѣтскаго общества и онъ расцвѣтетъ.

Потомъ онъ долго говорилъ съ его матерью и все о томъ же, и результатомъ всего этого было то, что рѣшено было мальчика посылать съ бонной въ скверъ, гдѣ играли дѣти, а также на катокъ, гдѣ онъ научился бѣгать на конькахъ.

И, должно быть, старый докторъ говорилъ внушительно и напугалъ мать Роди на счетъ его здоровья, потому что съ этимъ начали спѣшить и сейчасъ же купили ему маленькіе коньки съ какими-то особенными сапогами и новую коротенькую шубку, въ которой удобно было бы и на конькахъ ѣздить, и въ скверѣ бѣгать съ ребятишками. И на другой же день съ бонной Августой послали его гулять.

Жизнь маленькаго Роди вдругъ перемѣнилась, все пошло по иному. Но самымъ замѣчательнымъ во всемъ этомъ было то, что живость въ глазахъ и румянецъ на щекахъ появились у него раньше, чѣмъ онъ съ Августой въ первый разъ вышелъ на катокъ и въ скверъ, а сейчасъ же послѣ того какъ старый докторъ все это пропсалъ ему и мать согласилась съ нимъ. Произошло же это отъ того, что Родя ничего такъ не желалъ въ своей жизни, какъ именно этихъ двухъ вещей.

Это можетъ показаться страннымъ, что у мальчика, за которымъ такъ ухаживали, были все-таки не исполненныя желанія. Но дѣло въ томъ, что желанія его, какъ и все на свѣтѣ, раздѣлялись на полезныя и вредныя. Первая, — какъ, напримѣръ, желаніе имѣть какую-нибудь игрушку или поѣсть шоколадныхъ конфетъ или прокатиться съ мамой въ экипажѣ, причеъ его закутаютъ такъ, что къ тѣлу его не проникнетъ ни одна струйка свѣжаго воздуха, — тотчасъ же исполнялись, какъ только онъ ихъ высказывалъ.

Вторая же... Ахъ, это и была бѣготня въ скверѣ съ мальчишками и дѣвчонками, которыхъ тамъ было множество, и катанье на конькахъ. Скверъ былъ виденъ изъ окна ихъ квартиры, помѣщавшейся во второмъ этажѣ. Мальчикъ, сидя на подоконникѣ, смотрѣлъ по цѣлымъ часамъ въ окно и завидовалъ этимъ дѣтямъ, свободно собиравшимся въ кругъ и прыгавшимъ, игравшимъ въ прятки, въ лошадки и въ снѣжки. А катокъ тоже былъ, должно быть, очень

близко, гдѣ-нибудь за угломъ, гдѣ протекалъ каналъ. Тамъ играла музыка, и звуки ея даже сквозь стекла двойныхъ рамъ проникали въ квартиру. И ему ужасно хотѣлось кататься на конькахъ. Это казалось ему высшимъ наслажденіемъ.

Но объ этомъ не могло быть и рѣчи. Боже сохрани! Когда онъ однажды сказалъ мамѣ объ этомъ своемъ желаніи, она чуть не заплакала. «Что ты, что ты, Родя? Развѣ это возможно? Тамъ, въ скверѣ, играютъ Богъ знаетъ чьи дѣти. Можетъ быть, у кого-нибудь въ домѣ корь или скарлатина и такъ легко заразиться. А на конькахъ—развѣ можно съ твоими слабыми ножками... Однимъ словомъ, никакъ нельзя, потому что это было—вредное желаніе...

Старому доктору мама тоже, конечно, высказала свои опасенія, но онъ только разсмѣялся.

— Знаете-ли, что я вамъ скажу? Корью и скарлатиной заразится ли онъ, или нѣтъ, неизвѣстно. Это можетъ и не быть... Бываетъ, что дѣти сидятъ взаперти и все же заболѣваютъ. Но малокровіемъ онъ уже боленъ и, если не будетъ бѣгать и дышать воздухомъ, на этой почвѣ заболѣетъ еще многими гораздо худшими болѣзнями.

И мама испугалась. И рѣшила отправить его и въ скверъ, и на катокъ. Ну, скверъ, это очень просто: бонна Августа одѣла его, взяла за руку и повела тутъ же въ ста шагахъ черезъ улицу. Тамъ она сѣла на скамейку, а онъ сейчасъ же перезнакомился со всѣми дѣтьми, и началъ бѣгать и играть, какъ будто всю жизнь этимъ занимался.

А на каткѣ дѣло было посложнѣе. Тамъ, когда надѣли ему новые сапожки съ коньками, онъ не могъ не то что двинуть ногами, а и даже устоять на нихъ. Совсѣмъ такъ, какъ будто вмѣстѣ съ сапогами ему приставили и новыя ноги, чужія, которыми онъ не умѣлъ владѣть. И ужъ тутъ бонна Августа ничего, не могла подѣлать, а взылся за это дѣло самъ дядя Андрей—этотъ удивительный всегда веселый человекъ, не признававшій никакихъ занятій, кромѣ спорта.

Ну, разумеется, у него было много денегъ и не было надобности зарабатывать ихъ, но зато по части спорта онъ былъ большой знатокъ. И на своей яхтѣ плавалъ, и на велосипедѣ, и на автомобилѣ ѣздилъ, и на лыжахъ, и на конькахъ, на чемъ угодно. Вотъ этотъ дядя и началъ обучать его, и неизвѣстно, чему больше слѣдовало приписать успѣхъ—искусству ли учителя или способностямъ ученика; но вѣрно то, что Родя необыкновенно быстро овладѣлъ коньками и уже черезъ недѣлю умѣлъ тихо передвигаться на нихъ безъ помощи дяди, а еще черезъ недѣлю катался на конькахъ, какъ настоящей маленькой спортсменъ. Скоро онъ усовершенствовался въ своемъ новомъ искусствѣ и началъ даже выдѣлывать ножками смѣлыя штуки, на которыя и взрослая публика смотрѣла съ удивленіемъ. Дядя Андрей былъ въ восторгѣ отъ своего ученика и даже однажды заставилъ маму Родю и отца придти на катокъ и полюбоваться его искусствомъ.

II.

Предписанія стараго доктора вполне оправдали себя. Уже мѣсяца четыре маленькой Родя чуть не цѣлые дни проводилъ на воздухѣ и за это время здоровье его укрѣпилось. Онъ оживился, исчезла его прежняя вялость. На щекахъ явился постоянный румянецъ, словомъ, мальчикъ какъ будто переродился. Одно только осталось въ немъ неизмѣнно, это—его характеръ:—тихий, спокойный,

задумчивый. Въ скверѣ онъ игралъ съ дѣтми, но какъ-то машинально бралъ чью-нибудь руку, протгивавшуюся къ нему, становился въ кругъ и прыгалъ или бѣгалъ въ перегонку, но самихъ дѣтей словно не видѣлъ и не различалъ. И ни съ кѣмъ изъ нихъ онъ не вступалъ въ разговоръ, не спрашивалъ кто, да что. А когда его спрашивали, онъ молчалъ. Онъ не умѣлъ входить въ общеніе съ дѣтми, которыя всѣ были ему постороннія. Но какъ-то разъ пришлось ему участвовать въ общей игрѣ держа за руку дѣвочку, столь же немногихъ лѣтъ, какъ и онъ. Пока длилась игра, онъ не обращалъ на нее вниманія, когда же игра кончилась, и дѣти разбрелись, онъ, можетъ быть, по разсѣянности, задержалъ руку дѣвочки въ своей рукѣ а затѣмъ взглянулъ на нее. Она показала ему замѣчательнымъ явленіемъ.

Она была гораздо ниже его ростомъ, съ маленькимъ личикомъ, какъ-то странно, будто изъ норки выглядывавшимъ изъ-подъ платка, надѣтаго на ея голову и концами нѣсколько разъ обернутаго вокругъ ея шеи. Благодаря платку, голова эта казалась огромной въ сравненіи съ лицомъ и со всѣмъ остальнымъ ея тѣломъ. Тѣлце же ея было совсѣмъ шупленькое и тоненькое, какъ лозинка. На ней была надѣта недлинная фланелевая юбка, а поверхъ ея коротенькая вязаная кофта, на ногахъ же у нея были до того большіе, точно на взросломъ человѣкѣ, сапоги, что Родѣ, когда взглянулъ на нихъ, захотѣлось смѣяться.

— Вы... дѣвочка?—промолвилъ онъ, внимательно оглядѣвъ ее съ ногъ до головы. Тутъ ужъ ей показалось смѣшно, и она засмѣялась. У нея были ровные бѣлые зубки, а голосъ слабенькій, какъ у котенка.

— А то какъ же?—отвѣтила она,—я, разумѣется, дѣвочка.

— А я мальчикъ!—сказалъ онъ и тутъ же прибавилъ:—меня зовутъ Родя.

— А я Фрося,—заявила дѣвочка. И тутъ они пошли рядомъ по дорожкѣ.

— А отчего у васъ такіе большіе сапоги?—спросилъ Родя. Она улыбулась.

— Это не мои. Это моего брата Сеньки. Онъ уже большой. У меня своихъ нѣтъ. А лѣтомъ, когда тепло, я бѣгаю босая... А вы... [вы мною не гнушаетесь?

Родя посмотрѣлъ на нее съ глубокимъ недоумѣніемъ.

— Я не знаю этого слова. Что это значитъ: не гнушаетесь?—сказалъ онъ.

— А что я простая и нехорошо одѣта. Моя мама прачка, а отецъ пьяница. Онъ бьетъ ее, маму, когда пьяный, а, когда вытрезвится, плачетъ...

Они шли рядомъ, она своимъ тихимъ голоскомъ сообщала ему подробности своей жизни, о братѣ, который служилъ пекаремъ въ булочной, о какой-то собакѣ-Волчкѣ, которая жила у нихъ во дворѣ. Но Родя уже почти не воспринималъ ея словъ. Сама она и все, что она сообщала ему, были для него такимъ страннымъ и такимъ новымъ явленіемъ, что онъ просто не зналъ, какъ обойтись съ этимъ. Онъ, конечно, зналъ, что люди раздѣляются на богатыхъ и бѣдныхъ, объ этомъ часто твердила ему и бонна Августа, которая строго различала эти два сорта людей. Но онъ представлялъ это совсѣмъ иначе. Онъ думалъ, что вообще у всѣхъ людей есть все, что нужно, и домъ, и мебель, и одежда, но только у богатыхъ все это богатое, а у бѣдныхъ—бѣдное. И, вдругъ, передъ нимъ дѣвочка, у которой нѣтъ своихъ сапогъ. И онъ объ этомъ думалъ и не замѣтилъ, какъ они обошли кругъ и приблизились къ скамейкѣ, на которой сидѣла бонна Августа. Въ этотъ моментъ она о чемъ-то горячо разговаривала съ другой бонной, съ которой познакомилась тутъ же. И вдругъ увидѣла Родю, который шелъ рядомъ съ Фросей, держа ее за руку. Видъ Фроси

А. КОВАЛЬСЬКІЙ.

НА ЗАРЪ.

въ странномъ платкѣ и въ мужскихъ сапогахъ произвелъ потрясеніе въ ея душѣ. Она вскочила, подбѣжала къ Родѣ и схватила его за руку.

— Ah, mein Gott, mein Gott! Что ви дѣлаетъ? Какъ ви можете? Такое грязное Mädchen!.. Иди себѣ, дѣвочка, иди прочь...

Она потащила къ себѣ Родю, а Фрося, потупивъ взоръ, тихонько отошла въ сторону и скрылась. Но она не обидѣлась и, когда Родя черезъ нѣсколько минутъ пришелъ, чтобы принять участіе въ игрѣ, она опять очутилась около него и мальчикъ обрадовался ей и, главнымъ образомъ, тому, что она не обидѣлась.

— Это Августа,—сказалъ онъ ей.—Она нѣмка.

И этого объясненія оказалось достаточно. Началась игра и, хотя она была общая, но Родя игралъ почти исключительно съ Фросей. Дѣвочка все время болтала, рассказывала ему о своемъ отцѣ, матери и братѣ.

— А вотъ это нашъ домъ,—сказала она, указывая на огромный пятиэтажный домъ противъ сквера.—Ну, не нашъ, а только мы тутъ живемъ. Вотъ черезъ ворота виденъ первый дворъ, а тамъ еще есть второй, такъ на второмъ, въ самомъ низу, и живемъ. Моя мать прачка Матрена, ее всѣ знаютъ.

Все это почему-то запомнилъ Родя—просто само запомнилось. Скоро зашло солнце, и бонна Августа, взявъ за руку мальчика, повела его домой.

III.

А на каткѣ успѣхи Роды были прямо изумительные. Однажды дядя Андрей пришелъ сюда взглянуть на Родино искусство и восхитился.

— Изъ тебя выйдеть хорошій спортсменъ!—сказалъ онъ. И когда прѣхалъ къ нимъ въ слѣдующее воскресенье, торжественно поднесъ ему небольшой хорошенькій футляръ.

Родя открылъ его и изумился. Тамъ былъ замѣчательно изящно сдѣланный золотой конекъ. Дядя Андрей, конечно, зналъ, что дѣлаетъ. Онъ понималъ, что ничто не доставитъ такого удовольствія мальчику, какъ этотъ подарокъ. И въ самомъ дѣлѣ, Родя былъ въ восторгѣ, онъ не зналъ, куда положить его, или вѣрнѣе—никуда не хотѣлъ положить, а все носилъ его съ собой и всѣмъ показывалъ. И при этомъ въ головѣ его неотступно стояла мысль о Фросѣ. Ей показать, вотъ самое важное. Почему-то ему казалось, что никто такъ не оценитъ это приобрѣтеніе и такъ не раздѣлитъ его восторгъ, какъ маленькая Фрося. И когда утромъ слѣдующаго дня онъ собрался на прогулку, то незамѣтно для другихъ, даже для бонны Августы, положилъ въ карманъ своей шубейки драгоценный футляръ.

А въ скверѣ его ожидало огорченіе. Когда онъ пришелъ туда и присоединился къ играющимъ дѣтямъ, то среди нихъ не нашелъ Фроси. Между тѣмъ онъ привыкъ къ ней и не могъ себѣ представить игры безъ нея. Собственно, въ представленіе о скверѣ входила Фрося, какъ необходимая часть его, и безъ нея у сквера какъ будто пропадалъ всякій смыслъ. Когда онъ шелъ туда, онъ не думалъ, что будетъ играть съ дѣтьми, а говорилъ себѣ: я буду играть съ Фросей. Даже бонна Августа привыкла видѣть ихъ вмѣстѣ и примирилась съ этимъ. Она даже стала находить это удобнымъ. Вѣдь, у нея тоже были свои дѣла и соображенія. Иногда, пользуясь тѣмъ, что мальчикъ заигрался, она покидала скамейку, выходила изъ сквера и отправлялась куда-нибудь въ магазинъ за покупкой или гуляла по улицѣ со знакомыми. И въ этихъ случаяхъ она чувствовала, что все-таки Родя не одинъ, а съ Фросей.

Но въ этотъ день мальчикъ, сколько ни искалъ, не могъ найти ее, и онъ растерялся. Безъ Фроси у него ничего не выходило съ игрой. Другихъ мальчиковъ и дѣвочекъ онъ какъ будто въ первый разъ видѣлъ и даже немного боялся ихъ. Тоскливо было ему въ скверѣ, смотрѣлъ онъ на ворота дома, который указала ему Фрося, и думалъ: «она тамъ; какъ бы отыскать ее?». И главное, конечно, какъ бы показать ей конекъ.

И съ этой мыслью въ головѣ, онъ даже не замѣтилъ, какъ вышелъ изъ сквера, перешелъ черезъ улицу, приблизился къ воротамъ и вошелъ во дворъ. Здѣсь глаза его разбѣжались, и онъ почувствовалъ робость, но вспомнилъ о второмъ дворѣ и прошелъ дальше.

Тутъ онъ растерялся еще больше. Въ узенькомъ дворѣ было грязно. Изъ желѣзной рѣшетки посрединѣ двора, куда, должно быть, выливали помои, подымался паръ и обдавалъ его какимъ-то неблаговонымъ тепломъ. На уровнѣ съ мостовой двора Родя замѣтилъ дверь. Нѣсколько каменныхъ ступенекъ вели внизъ и тутъ же рядомъ какъ-то робко выглядывали изъ-подъ земли два маленькихъ окошка съ потускнѣвшими отъ пыли и грязи стеклами. Надъ однимъ изъ оконъ, въ которомъ были разбиты стекла, стоялъ, нагнувшись, человекъ съ рыжей бородой, въ овчинномъ полушубкѣ. Онъ размахивалъ руками и стучал кулакомъ въ окно и почему-то необыкновенно громко произносилъ какія-то непонятныя для Родя слова. Къ нему-то и приблизился мальчикъ и стоялъ, пока тотъ не обращалъ на него вниманія. Увидѣвъ хорошо одѣтаго мальчика, человекъ въ полушубкѣ,—очевидно, дворникъ, пересталъ кричать, выпрямился и на лицѣ его выразилось что-то вродѣ почтительнаго удивленія.

— А вамъ кого?—спросилъ онъ.

— А я... Гдѣ живетъ прачка... Прачка Матрена?—произнесъ Родя.

Дворникъ внимательно осмотрѣлъ его и съ удивленіемъ пожалъ плечами.

— Прачка? Да вотъ тутъ и живетъ... Она третій мѣсяцъ уже живетъ, да за квартиру не платитъ, прачка Матрена. Вотъ мы ее завтра вышвырнемъ со всѣмъ ея скарбомъ, эту самую прачку Матрену... Ха...

Онъ былъ, должно быть, человекъ словоохотливый и говорилъ еще что-то, но Родя дальнѣйшихъ словъ его уже не слышалъ. Въ это время дверь внизу растворилась и оттуда выбѣжала Фрося, которая увидѣла мальчика сквозь окно, схватила его за руки, и они вмѣстѣ побѣжали внизъ.

То, что увидѣлъ здѣсь Родя, было для него совсѣмъ ново. Небольшое помещеніе съ низкимъ потолкомъ, грязный полъ, досчатый столикъ, скамейка, какое-то тряпье въ углу, высокая плечистая женщина въ разстегнутой кофтѣ, на скамейкѣ—мужчина съ согнутой спиной, съ всклокоченной бородой и все это слабо очерченное и какъ бы расплывающееся въ тускломъ свѣтѣ, проникавшемъ сквозь загрязненныя стекла низенькихъ оконъ.

Родя почувствовалъ себя такъ, какъ будто попалъ въ какую-то глубокую яму. Онъ не зналъ, что ему дѣлать. Какъ-то машинально спрашивалъ онъ Фросю о томъ, почему она не пришла сегодня играть въ садикъ, и услышалъ въ отвѣтъ странныя слова.

— А насъ выбрасываютъ. Видишь? Завтра придутъ и выбросятъ—прямо на улицу!—отвѣтила ему Фрося.

— Какъ выбрасывать? Какъ же на улицу? Развѣ можно выбросить людей? На это уже отвѣтилъ ему человекъ съ всклокоченной бородой:

— А можно. Еще какъ! Такъ вышвырнуть, что косточки захрустятъ...

— Это мой папа,—тихонько сказала Родѣ дѣвочка.

— А почему же выбросить?—спросилъ Родя.

— За квартиру не плачено... Денегъ нѣтъ. А гдѣ же взять, коли ихъ нѣтъ? Воспринявъ этотъ отвѣтъ, Родя подумалъ, что-то сообразилъ, и рука его, какъ будто помимо его воли, полѣзла въ карманъ и вынула оттуда футляръ.

— Вотъ у меня есть,—сказалъ онъ, протягивая руку съ футляромъ человѣку съ всклокоченной головой.—Это мой конекъ. Дядя подарилъ мнѣ. Онъ золотой...

Фросинъ отецъ взявъ футляръ, открылъ его и началъ разсматривать конекъ. Матрена тоже заинтересовалась. Они вынули вещицу изъ футляра, вертели ее въ рукахъ и качали головами.

— Да... Это вещь...—говорила Матрена.—Искусно сдѣлана. А только намъ не годится.

— Почему?—спросилъ Родя.—Она дорогая...

— То-то что дорогая... Понеси ее продавать: скажутъ—украдена... Еще въ полицію заберутъ... Бѣдному человѣку гдѣ взять такое? Развѣ что украсть... Да и папаша вашъ съ мамашей, ежели узнаютъ, такъ и намъ и вамъ худо будетъ... Нѣтъ, не годится.

Она говорила это съ сокрушеніемъ, видимо жалѣя о томъ, что вотъ какая красивая и дорогая вещь, а выручить ихъ не можетъ.

Минуты черезъ три послѣ этого Родя былъ въ скверѣ. Съ взволнованнымъ лицомъ, съ влажными глазами, онъ теребилъ бонну Августу, требуя, чтобы она сейчасъ же его вела домой. А дома онъ окончательно разстроился, рыдалъ и говорилъ какія-то слова, которыхъ никто понять не могъ. «Фрося... Прачка Матрена... выбросить на улицу... А конекъ, конекъ,—онъ не годится»...

Мама его испугалась не на шутку. Никогда онъ не зналъ этихъ словъ и неоткуда ему было узнать ихъ. Послали за старымъ докторомъ, который тотчасъ же пріѣхалъ. И только ему удалось нѣсколько успокоить Родю и узнать отъ него, въ чемъ дѣло.

— Это, видите ли, у него случилось первое соприкосновеніе съ настоящей жизнью,—сказалъ онъ Родиной мамѣ.

— Но чего же ты хочешь?—спросила его мать.

— Чтобы Фросю не выбрасывали на улицу... И потомъ... Ей нужно башмаки... Она въ чужихъ ходитъ...

— Ну, хорошо. Я пошлю имъ денегъ. Ихъ не выбросять.

— Нѣтъ, я хочу продать мой золотой конекъ... онъ не годится... Я хочу чтобъ это были мои деньги.

— Хорошо, хорошо, мы и это сдѣлаемъ,—сказала мать, видя, что мальчикъ очень разстроенъ.—Вотъ я и куплю у тебя твой золотой конекъ. Я заплачу столько, сколько имъ нужно. Дай мнѣ твой футляръ,—онъ теперь мой.

Остальное пришлось выполнить боннѣ Августѣ. Она отправилась во дворъ большого пятиэтажнаго дома, разыскала прачку Матрену, заплатила за ея квартиру и снабдила ее деньгами. На слѣдующій день Фрося явилась въ скверъ и Родя игралъ съ нею, какъ всегда. На ея маленькихъ ножкахъ были настоящіе свои башмаки. Весной же былъ день рожденія Роды и въ числѣ подарковъ отъ мамы онъ нашелъ свой золотой конекъ, благодаря которому онъ узналъ, что жизнь въ большой, красиво обставленной, теплой уютной квартирѣ—далеко не вся жизнь и что есть еще другая, совсѣмъ не похожая на эту...

И. Потапенко.

Грутовскій.

СЛЪПОЙ КОБЗАРЬ.

ДѢДЪ МАТВѢЙ.

Картины деревенской жизни. Соч. Святальца (С. Г. Петрова).

Окончаніе.

Летаеть? — спросил Мигунь дѣловито, между тѣмъ какъ лицо его по обыкновенію передергивалось, а лѣвый глазъ безъ нужды подмигиваль дѣду.

— Летаеть,—со вздохомъ сказалъ осунувшійся, изможденный дѣдъ.

— Кажнюю ночь?

— Кажнюю.

— И безъ тебя знаю, что кажнюю: испытуючи тебя — спрашиваю. И не токмо я одинъ—вся деревня знаетъ, люди давно видять: змѣй къ тебѣ летаеть! огненный змѣй разсыпается искрами у тебя надъ повѣтью — кажнюю ночь!

— Нечистый?

— А то кто же? Не старуха же! Душенька ея на небеси покоится и ничего не знаетъ, что «онъ» тутъ выдѣлываетъ. Тоскуешь ты, а «онъ» этимъ и пользуется, ему это и найдено,—хлѣбомъ его не корми, только дай ему душу, которая, къ примѣру сказать, ослабѣла... Это «онъ» любитъ!

— Какъ же быть-то?

Кузнецъ помолчалъ, подергалъ глазомъ и спросилъ скороговоркой:

— Ноги гладила?

— Гладила.

— Отнимутся ноги!—увѣренно сказалъ Мигунь.—А съ косою еще не приходила?

— Нѣтъ.

— Ну, хорошо еще, что съ косою не приходила: съ косою всегда — передь смертью...

— Помирать-то не страшно—душу жалко! — сказали дѣдъ.

— А то какъ-же? — подтвердил Мигунъ:—въ этомъ-то вся и задача — всё помереть, да не этакъ...

— Молитвы какой заговорной не знаешь ли?

— До молитвы еще дѣло не дошло. Возьми ты кусокъ мѣлу и вездѣ поставь кресты: надъ дверями, надъ окнами, на воротахъ, на калиткѣ, на подворотнѣ, каждую дыру закрести — поняль?

— Какъ не поняль?

— Ну, вотъ. А самъ...

Тутъ кузнецъ понизилъ голосъ до таинственнаго шопота и близко наклонился къ дѣду:

— А самъ возьми ты, милый человекъ, ицо, прямо - таки самое простое куриное ицо, и носи ты его подъ мышкой три дня и три ночи и—не спи, Боже упаси заснуть!

— Нельзя?

— Ни-возможно! Ни подъ какимъ видомъ! Не ложись, не садись, ходи! Ходи, гдѣ хочешь, и ицо подъ мышкой, подъ самой подъ рубашкой держи! Чты ты тутъ увидишь и услышишь—не пугайся: вреда тебѣ никакой не будетъ. На четвертыя-же сутки — къ вечеру — принеси мнѣ то самое ицо. Вечеромъ ляжешь спать, и будетъ у тебя сонъ крѣпкій. Тогда надъ тобой надъ соннымъ прочитаю я три раза «да воскреснетъ Богъ», и все пройдетъ. Поняль?

— Поняль. Спасетъ те Христось. Муки, какъ условлено, Яфимка тебѣ принесетъ пятерикъ.

— Въ этомъ нѣтъ никакого сумдѣнія. Мнѣ главное—помощь оказать.

Кузнецъ замигалъ глазомъ, задергалъ щекой и еще долго что-то говорилъ, но угрюмый дѣдъ не сталъ его больше слушать. Онъ вышелъ изъ кузницы и тяжелымъ шагомъ побрелъ отъ околицы къ своей избѣ, такъ странно напоминавшей его самого.

Два дня и двѣ ночи подрядъ дѣдъ Матвѣй ходилъ съ куринымъ яйцомъ подъ мышкой. Ночи были лѣтнія, теплыя, лунныя. Когда утомленная деревня погружалась въ благодатный сонъ — странную фигуру представлялъ изъ себя огромный длиннородый старикъ, одиноко и задумчиво бродившій по спящей землѣ, залитой луннымъ свѣтомъ, сопровождаемый всюду двигавшейся за нимъ длинной, исполинской тѣнью. Блѣдный, похудѣвшій, почти обезумѣвшій, онъ больше напоминалъ привидѣніе, чѣмъ живого человекъ, а длинная и уродливая тѣнь, надавая отъ него по землѣ и неотвязно его сопровождавшая, казалось, имѣла какое-то свое, таинственное значеніе, словно жила она отдѣльно отъ него. И казался дѣдъ Матвѣй одинокимъ обломкомъ старой деревенской жизни, давно уже исчезнувшей вездѣ, внезапно вставшимъ изъ могилы старымъ крестьянскимъ богатыремъ: давно уже перевелись въ деревняхъ такіе бородачи и силачи, какъ дѣдъ Матвѣй, и странной казалась при лунномъ свѣтѣ его внушительная, огромная, почти исполинская, широкоплечая фигура съ развѣвавшейся длинной бѣлой бородой и морщинистымъ скорбнымъ лицомъ.

Третью ночь уже не спал дѣдъ Матвѣй и все бродилъ при лунномъ свѣтѣ по пустынной деревенской улицѣ, заросшей зеленой ползучей травой. Старуха больше не мерещилась ему, но вдругъ онъ наткнулся на толстое бревно, цѣлую балку, лежащую поперекъ дороги: только что проходилъ онъ тутъ—и ничего не было, а теперь — балка. Подвинулся дѣдъ, кто бы могъ положить ее, перешагнулъ и пошелъ далѣе.

Надъ всей деревней стояла такая тишина, что, кажется, слышался шелестъ травы и листьевъ, можно было услышать чье-нибудь дыханіе, даже собаки нигдѣ не лаiali, и пѣтухи не пѣли.

И вдругъ изъ-за бугра, словно изъ-подъ земли, выскочила съ гикомъ, съ гамомъ, съ топотомъ и звономъ колокольчиковъ—бѣшеная тройка, запряженная въ большой тарантасъ, а въ тарантасѣ—цыгане, много ихъ—кучей сидятъ, орутъ, хохочутъ, поютъ, гикаютъ и машутъ руками дѣду Матвѣю.

— Берегись! берегись! гей! гей!—орутъ цыгане и съ хохотомъ проносятся мимо. Ямщикъ—тоже цыганъ—безпрерывно хлещетъ обезумѣвшихъ лошадей, только пыль за ними закружилась, и земля задрожала—и вдругъ все сразу стихло, и вся тройка со всѣми цыганами, со всѣмъ своимъ шумомъ—словно сквозь землю провалились. Нѣтъ никого!

— Что за чудеса!—ворчить дѣдъ Матвѣй и шагаетъ дальше. И тѣнь за нимъ шагаетъ, а луна такъ и свѣтитъ, какъ солнышко.

Только прошелъ нѣсколько шаговъ—ребятишки! Цѣлая толпа!.. да все незнакомые, черномазые какіе-то, смуглые, курчавые, какъ цыганята. Прыгаютъ около дѣда, хохочутъ, кричатъ:

— Дѣдушка Матвѣй! Дѣдушка Матвѣй, пойдешь съ нами!..

— Ахъ, вы, мошенники!—ворчить дѣдъ:—полуночники этикіе! Вотъ я васъ! А самъ все идетъ, и ребятки вокругъ него прыгаютъ и хохочутъ.

— Дѣдушка, смотри-ка, куда мы тебя привели!..

Смотритъ дѣдъ—колодезь: незнакомый какой-то колодезь—какъ будто тутъ прежде и колодца никакого не было.

— Прыгай, дѣдушка, въ колодезь!—кричатъ ребятки:—лучше будетъ!..

Вдругъ—мужикъ: откуда взялся,—неизвѣстно, закричалъ на ребятшекъ:

— Пошли вы прочь, пострѣлята! Дайте покой человѣку!..

Ребятишки разбѣжались, а мужикъ дѣду поклонился и руку подаль: черной такой, неизвѣстной, и говоритъ:

— Рази я не вижу—человѣкъ покоя ищетъ, а не находитъ! Дайте покой дѣдушкѣ Матвѣю!

— Что-то я не знаю тебя!—говоритъ дѣдъ.

— Ну, какъ не знать! Яковскій я, изъ Яковки, пять верстовъ отседова... въ охотникахъ я у купца...

Тутъ мужикъ вытащилъ изъ кармана бутылку съ водкой и говоритъ:

— Выпьемъ, дѣдушка! Угостить тебя желаю! пойдѣмъ, сядѣмъ гдѣ-нибудь! Ночь-то какая: теплень, мѣсяцъ свѣтитъ...

— Такъ-то оно такъ!—отвѣчаетъ дѣдъ:—отчего и не выпить, когда угощаютъ!

Скупой дѣдъ только тогда и пилъ, когда его угощали.

Сѣли они на задахъ, надъ яромъ, ноги въ оврагъ свѣсили:

— Такъ лучше!—говоритъ мужикъ и даетъ дѣду стаканчикъ:—держи!

Выпили.

Смотрит дѣдъ, а у него въ рукѣ вмѣсто стаканчика—кость отъ падали: взглянулъ на мужика, рога у того изъ-подъ шапки вылѣзаютъ, глаза, какъ у волка, горятъ, зубы щелкаютъ... Хохочетъ.

— Прыгай, говоритъ, дѣдушка, прыгай въ омутъ, прямо внизъ головой! Такъ лучше будетъ! Хо-хо-хо!

И ребятишки опять появились, тоже хохочутъ, пляшутъ около дѣда, кричатъ: «такъ лучше будетъ!»

Вдруг—огненный змѣй! Подлетѣлъ, искры отъ него такъ на всѣ стороны и сыплются, какъ въ кузницѣ отъ раскаленного желѣза. Ударился объ землю и погасъ: а вмѣсто змѣя передъ дѣдомъ старуха стоитъ, синяя, злая, глазами сверкаетъ и косой на него замахивается.

Вскрикнулъ старикъ, повалился на краю оврага и тотчасъ же заснулъ тяжелымъ сномъ. Изъ рукава его пестрядинной рубахи выкатилось сырое куриное яйцо и разбилось.

Долго умиралъ дѣдъ Матвѣй. Сначала у него отнялись ноги, а потомъ и языкъ. Лежалъ онъ въ избѣ на полу, подъ пологомъ, устроенномъ на четырехъ колышкахъ, исхудалый, какъ скелетъ, съ длинной сѣдой бородой, похожий на прокаженного юва, какъ рисуютъ его въ священной исторіи. Сноха тяготилась ухаживать за нимъ и грубо съ нимъ обращалась. Младшій сынъ и внученокъ играли около него на полу. Алеша говорилъ племяннику:

«Давай пахать», а городской внученокъ, сынъ бродячаго зятя, не соглашался: «нѣтъ, лучше въ сказку будемъ играть: я буду Ерусальн!».—«Тотъ крестьянинъ, а этотъ некрестьянинъ будетъ»—думалъ дѣдъ Матвѣй, умирая. И хотѣлось ему пошептать еще про себя о будущемъ своихъ дѣтей и внуковъ, но губы не слушались и языкъ давно не ворочался.

Схоронили его рядомъ съ бабушкой на вѣковомъ старомъ кладбищѣ, гдѣ уже лежало много крестьянскихъ поколѣній. Надъ могилами ихъ поставили одинъ общій дубовый крестъ.

Старики сошли въ землю, а жизнь, хуже-ли, лучше-ли, но все-таки пошла впередъ, и если бы дѣдъ Матвѣй теперь могъ встать изъ могилы,—онъ не узналъ бы своей деревни, подивился бы на младшаго сына и не нашелъ бы тамъ своего внука.

Скиталецъ (С. Г. Петровъ).

Д. Меструани.

КЪ ПАСХАЛЬНОМУ ЗВОНУ.

У Т Р О.

Голуби влетѣли стасй надъ амбаромъ,
Тонкую кудель вытягиваетъ дымъ...
Ахъ, какъ дышать это утро чѣмъ-то
старымъ,
Чѣмъ-то бывшимъ, вешнимъ, милымъ и
роднымъ!..

Вонь—во флигель залѣплены картономъ
Выбитыя стекла въ рамахъ, а карнизъ
Деревянный сталь (отъ ветхости) зеле-
нымъ,
Весь разохся и—надъ окнами нависъ.

Господи, да что же, что это такое:
Тишина, амбаръ и нѣжные цвѣты,
Голуби и небо, небо голубое!..
Ужъ не ты-ли, дѣтство? Ахъ, конечно—ты!..

Владимиръ Нафбутъ.

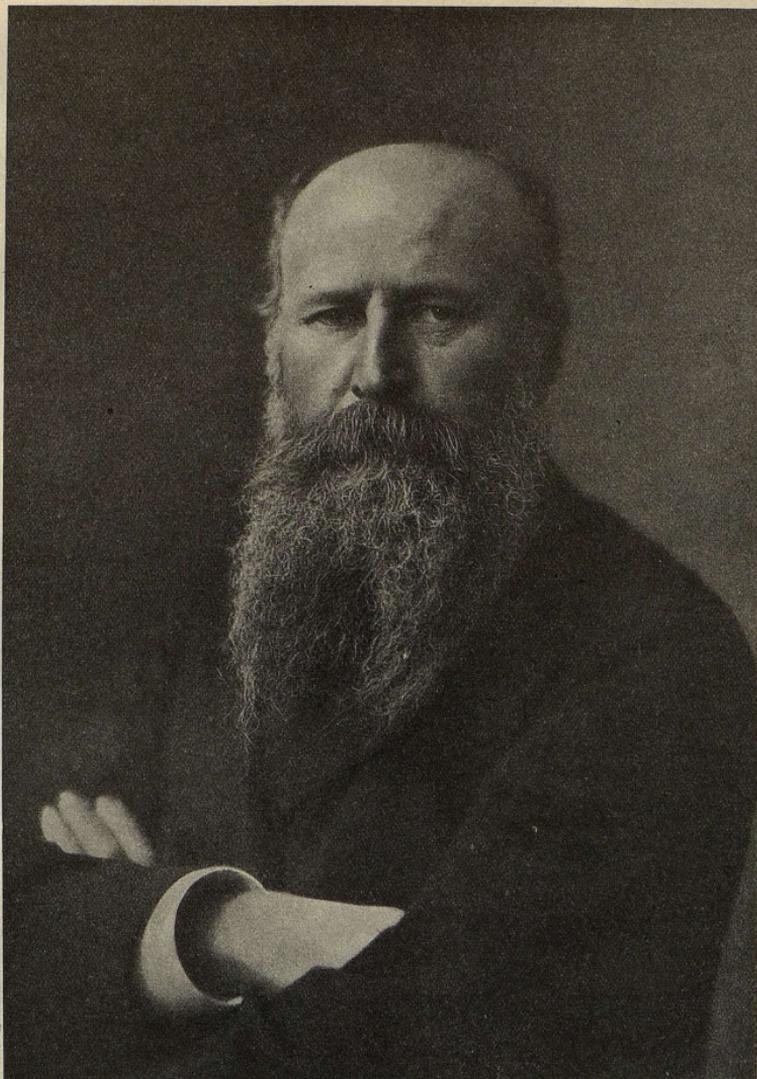
Изъ-за флигеля выглядываютъ липы
Завитушками густыхъ своихъ вѣтвей,
Древнiя Онѣ, наѣрное, могли бы
Разсказать еще о бабушкѣ моей.

Влажной свѣжестью пронизанъ ясный
воздухъ,

Пусто на дорожкахъ узкихъ цвѣтника,
Гдѣ въ росинкахъ мелкихъ, будто въ
яркихъ звѣздахъ,

И дрожить и мѣтеть радуги дуга.

Къ 10-лѣтію со дня смерти.

В. В. Верещагинъ.

(Род. 1839 — † 1904).

Извѣстный русскій художникъ. Выполнилъ рядъ картинъ изъ „Отечественной войны“, русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг., туркестанскихъ походовъ и русско-японской войны, во время которой онъ и погибъ на броненосцѣ „Петропавловскъ“, утонувшемъ отъ взорвавшейся подводной мины.

В. Штеверъ.

ПОЖАРЪ НА КОРАБЪЛЪ.

В. Перовъ

ТРОЙКА.

Трубочистъ.

Сказка С. Гусева-Оренбургскаго.

Жиль трубочистъ въ большомъ городѣ.

Цѣлые дни лазилъ онъ по крышамъ, откуда виденъ былъ весь городъ, какъ на ладони. Сажа такъ пропитала его одежду, что онъ походилъ на негра, или на чорта,—имъ пугали маленькихъ дѣтей. Но онъ объ этомъ не беспокоился. Распѣвая пѣсенки, чистилъ онъ сажу, возился съ заслонками и метелками, а когда вечеромъ кончалъ работу, аппетитно закусывалъ хлѣбомъ съ водой, послѣ чего засыпалъ такъ, что храпъ его беспокоилъ сосѣдей. И во снѣ ему снились высокія крыши.

Беззаботно и весело жилось ему.

Но вотъ пришелъ разъ трубочистъ въ домъ богатаго купца. А у купца была свадьба. Угостили трубочиста на кухнѣ такъ, что онъ едва вылѣзъ изъ-за стола. Потомъ позволили посмотрѣть въ дверную щелку, какъ отплясываютъ купеческіе гости въ парадномъ залѣ. Насмотрѣлся трубочистъ чудесь... Съ этихъ поръ загрустилъ онъ.

Сталъ не милъ ему бѣлый свѣтъ. Лежить онъ ночью, не спитъ, одолѣваютъ его черныя думы.

— Какая моя жизнь: утромъ сажа, вечеромъ сажа. Хлѣбъ съ сажей ѣшь, воду съ сажей пьешь. Хотѣлъ-бы я пожить такъ, какъ эти люди живутъ. Хотѣ-бы домовой помогъ мнѣ, въѣдъ, я всю жизнь на него работаль...

И ночь такъ трубочистъ лежитъ, не спитъ, и другую... извелся совсѣмъ, все думаетъ, а самъ нѣтъ-нѣтъ да и скажетъ вслухъ:

— Хоть-бы домовой мнѣ помогъ!

Вотъ и слышитъ онъ разъ: вздохнулъ кто-то съ шумомъ въ печь. Открывается печная заслонка, лѣзетъ изъ печи домовой,—мохнатый весь, шерстью обросъ, ноги какъ у медвѣдя. Вылѣзъ, вздыхаетъ, говоритъ шопоткомъ, словно съ простуды голосъ потерялъ:

— Зачѣмъ меня звать?

Трубочистъ и глазамъ не вѣрить.

— Такъ ты и есть домовой?

— Конечно, я.

— Какой ты мохнатый! Вѣдь, я тебя никогда не видалъ. Неужто ты всегда въ такой шубѣ ходишь?

— У меня простуда,—хрипитъ домовой,—я тепло люблю. А только ты меня разговорами не задерживай, у меня дѣла. Говори, что надо.

— Ужъ больно радъ-то я тебѣ! Будь гостемъ, присядь... говорить-то долго. Покряхтѣлъ домовой, сѣлъ у печи на коготочки, самъ трубочку закурилъ.

— Разказывай!

Сталь трубочистъ разказывать, да сбился, не знаетъ, о чемъ разказывать.

— Нѣтъ,—говоритъ,—не стану я разказывать, лучше прямо скажу: хочу ученымъ быть!

— Зачѣмъ?

— А чтобы золото дѣлать. Съ золотомъ домъ себѣ богатый построю, буду гостей принимать. Я на тебя всю жизнь работалъ, не грѣхъ-бы тебѣ и помочь мнѣ. Помолчалъ домовой, подымялъ трубочку.

— Ладно,—говоритъ,—сдѣлаю тебя ученымъ, пойдемъ со мной.

Пошли они.

Домовой впереди идетъ, не слышать, какъ ступаетъ, словно въ валѣчки обуть. Привелъ онъ трубочиста въ большой старинный домъ съ колоннами, отпахнулъ передъ нимъ всѣ двери, словно на нихъ и замковъ не бывало, ввелъ его въ самую отдаленную комнату. Комната просторная, всѣ стѣны въ полкахъ, по полкамъ отъ полу до потолка книги.

Зажегъ домовой огарокъ, спрашиваетъ:

— Читать умѣешь?

— Учился маленькій, по складамъ разбираю.

Взялъ домовой книгу съ полки, развернулъ на первой страницѣ, положилъ на столъ, говоритъ:

— Читай. А я покурю пойду, покараулю, да и дверь запру,—тебѣ никто здѣсь мѣшать не станетъ.

Посмотрѣлъ трубочистъ въ книгу и спрашиваетъ:

— А до коихъ поръ читать?

— Да пока всю не прочитаешь.

— А когда всю прочитаю... ученымъ стану?

— Ну,—говоритъ домовой,—ты скоро хочешь. Вотъ когда всѣ эти книги прочтешь, тогда сдѣлаешься.

Посмотрѣлъ трубочистъ на полки, испугался, подошелъ, принялся считать книги.

— Разъ, два... три...

Обсчитался.

Сначала начал считать.

— Разъ... два, три... четыре...

Три полки так просчиталъ.

Опять сбился.

— Смѣшься ты что-ли надо мной,—накинулся онъ на домового,—этого мнѣ и въ двадцать лѣтъ не прочитать! Нѣтъ, не хочу ученымъ быть, лучше сдѣлай меня прямо богатымъ. Я на тебя всю жизнь работалъ, не грѣхъ-бы тебѣ и помочь мнѣ.

Пожаль домовый мохнатыми плечами.

— Пойдемъ,—говорить,—сдѣлаю... это легче.

Пошли они.

Домовой впереди идетъ, не слышать, какъ ступаетъ. Привелъ онъ трубочиста въ густой лѣсъ. Долго шли они по лѣсу безъ дороги, пробираясь между кустарниковъ. Наконецъ, пришли въ такое мѣсто, что идти нельзя. Стѣна стѣной лѣсъ стоитъ, ни конному, ни пѣшему нѣтъ дороги.

— За этимъ лѣсомъ,—хрипитъ домовый,—домъ есть.

— Ну?—торопитъ трубочистъ.

— Въ томъ дому одна комната золота полна, другая—серебра. А въ подвалахъ бриллыанты насыпаны.

— Веди меня туда!—кричитъ трубочистъ,—жалко, я мѣшокъ съ метелками изъ дому не захватилъ, сыпать не во что будетъ... Ну, да въ полы наберемъ!

— Не торопись,—говоритъ домовый,—тутъ когда-то разбойники жили. Уходя, мѣсто это они заворожили, чтобы никто къ богатству ихнему дороги не нашель. Сначала подумаемъ, какъ попасть туда.

Трубочистъ махнулъ рукою къ лѣсу.

— А прямо!

— Прямо, видишь—дороги нѣтъ. Коли есть смѣлка, придумывай какъ пройти.

Долго думалъ трубочистъ.

Ходилъ и взадъ и впередъ, просѣки искалъ,—нѣтъ: стоитъ лѣсъ стѣна стѣной, ни конному, ни пѣшему не пробраться.

— Ничего тутъ не придумаешь,—говоритъ,—придумывай ты.

— Тогда одно остается: на топоръ, руби!

Даль домовый топоръ трубочисту, самъ сѣлъ поблизости, трубочку закурилъ. Принялся трубочистъ дерево рубить, выбавши которое помельче. Долго рубилъ, измокъ весь, руки отмахалъ.

Срубилъ дерево.

— Готово,—говорить.

Покосилъ домовый.

— Хорошо,—говорить,—теперь другое руби.

— Я усталъ... Много-ли еще рубить-то?

— Пока просѣку къ дому не проложишь.

— А далеко домъ?

— Да версть съ десятья вглубь, не больше.

Даже разсердился трубочистъ, принялся кричать на домового:

— Ты что-же это меня все обманываешь!

Пожаль домовый мохнатыми плечами.

— Ты,—говорить,—самъ не хочешь ни ученымъ, ни богатымъ быть... что-же я подѣлаю?

— Провалился ты и съ ученостью-то да и съ богатствомъ-то вмѣстѣ... по-мрешь двадцать разъ, коли тебя слушаешь! Сдѣлай меня, коли на то пошло, счастливымъ, чтобы во всемъ мнѣ удача была. Я-жъ на тебя всю жизнь работалъ, не грѣхъ тебѣ и помочь мнѣ!

— Ладно,—говорить домовой,—сдѣлаю... ужъ это-то всего легче. Только...

— Ну, что еще только?

Посмотрѣлъ на чего домовой изъ-подъ густыхъ бровей маленькими глазами, самъ хмурится.

— Струсишь ты!

— О,—говорить трубочистъ,—ты меня не знаешь... я храбрый!

— Ну, поидемъ.

Пошли они.

Повель домовой трубочиста по пустырямъ, озареннымъ луной. На пустыряхъ лопухъ да репейникъ росъ. На концѣ пустырей зарево горѣло. Когда подошли ближе, трубочистъ увидѣлъ большую печь. Подвель домовой трубочиста къ печи, говорить ему:

— Прыгай!

Заглянул трубочистъ въ печь.

Жорло у печи большое, какъ ворота, огонь въ печи такой разведень, что кирпичи трескаются.

А домовой хрипнуть:

— Прыгай!.. что-же всталъ?

— Куда?!—удивился трубочистъ.

— Въ печь! Какъ вспрыгнешь, закрой лицо руками и скачи черезъ огонь.

На той сторонѣ печи такія-же ворота. За ними увидишь дворецъ изъ хрустала. Войдешь въ дворцовый дворъ, прудъ увидишь. Въ пруду этомъ дна нѣтъ, а вода въ немъ чудесная. Ты въ прудъ бросься, на другой берегъ плыви. Тамъ на балконѣ дѣвушку увидишь: сидитъ она за пряжей и дремлетъ. Это царевна Удача. Цѣлуй ты ее прямо въ уста сахарныя... и твоя она! Иди...

Раскуриль домовой трубку, говорить:

— А моя служба кончена... прощай!

— погоди!—кричитъ трубочистъ.

Посмотрѣлъ онъ еще въ печь, походилъ около печи.

— А нѣтъ-ли тутъ вокругъ печи дороги?

— Къ удачѣ одна дорога, только эта:

— Обожгешься... прыгни-ка самъ! Шерсть спалишь. Да я и плавать не умѣю. Какъ я въ пруду поплыву? Утонешь...

Разсердился домовой.

Подскочилъ къ трубочисту, бородой трясеть, глаза, какъ уголья, свѣтятся.

— Оставайся-же ты весь вѣкъ трубочистомъ!

...Посмотрѣлъ трубочистъ вокругъ: ни печи, ни домового... лежитъ онъ дома на лавкѣ. Посмотрѣлъ въ окно: свѣтаеть... на работу пора.

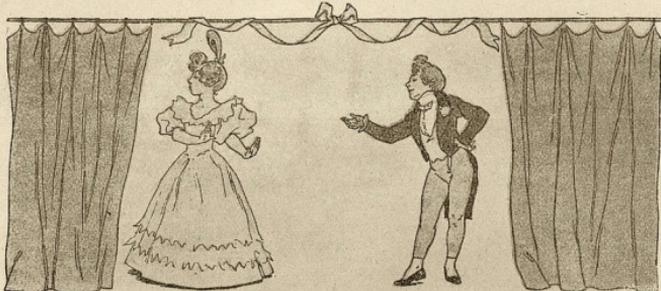
Пошелъ трубы чистить.

С. Гусевъ-Оренбургскій.

Н. Кошелев.

ЮРОДИВЫЙ.

Бабо́нька.

Разска́зь Карме́нь.

Бабо́нька наша—сухо́нькая, потѣ́шная старушонка десять лѣтъ жила во «Вдовьемъ домѣ» въ Москвѣ на привилегированномъ положеніи, какъ оберъ-офицерская вдова.

Разъ, а то и два въ мѣсяць я и братецъ Мишель, въ ту пору совсѣмъ малыши, въ обществѣ нашей француженки навѣщали бабо́ньку. И всегда массивныя ворота «Вдовьяго дома» съ двумя огромными орлами, которые когтями рвутъ свои внутренности и кормятъ ими птенцовъ, порождали во мнѣ почти-тельный страхъ.

Бывала бабо́нька и у насъ. И когда она придетъ, домъ нашъ мрачный, нелюдимый, чопорный оживаетъ.

Бабо́нька тараторитъ по-французски, смѣшно коверкая слова и присѣдая, сыплеть шутками-прибаутками, рассказываетъ сказки и бренчить на роялѣ. А мы, дѣти, пляшемъ вокругъ нея и хлопаемъ въ ладоши.

Ужъ на что крестная, и та не утерпитъ, и по строгому, холодному лицу ея поползетъ улыбка.

Однажды въ Рождественскій вечеръ бабо́нька говоритъ крестной:

— Татьяна Даниловна! Разрѣшите взять дѣтей вечеромъ въ циркъ.

— Бабо́нька!—вскриваю я. Отъ неожиданности сердце у меня такъ и прыгаетъ, какъ птичка на шесткѣ.

Бросаю быстрый взглядъ на крестную. Она съ минуту колеблется и цѣдить:

— Въ циркъ?.. Гм!.. А кто повезетъ ихъ? Гаврилы нѣтъ, онъ поѣхалъ въ клубъ за Михаиломъ Стратоновичемъ. Какъ-нибудь въ другой разъ.

— Бабо́нька! Бабо́нька!—стону я.

Но бабо́ньку учить нечего; умница она.

— Зачѣмъ въ другой разъ! Можно и сейчасъ, безъ Гаврилы. Возьмемъ извозчика.

— Пожалуй! — крестная недовольно шевелитъ бровями.—Только, ради Христа, Парасковья Семеновна, не давайте дѣтямъ говорить на улицѣ, простудятся.

— Нѣтъ, нѣтъ! Будьте покойны.

Я и Мишель ошалѣваемъ отъ счастья.

«Итакъ, въ циркъ! Какая радость!».

Мы мечемся по всѣмъ угламъ, разыскивая башлыки, шапки.

Все, наконецъ, найдено.

Насъ тщательно укутываютъ, какъ тепличныя растенія, бабушка-же накидываетъ на свои узкія тонкія плечи худенькій салопъ, прикалываетъ къ макушкѣ кастановый блинъ со свалаявшимся чернымъ страусовымъ перомъ, и мы выходимъ на улицу.

Валить густой снѣгъ. Много огня, праздничнаго люду; звонъ бубенцовъ, смѣхъ, говоръ.

Кличемъ извозчика.

Я сажусь рядомъ съ бабонькой, а Мишель къ ней на колѣни.

— Н-но-о!.. Поѣхали.

Бабонька, памятуя обѣщаніе, данное крестной, вначалѣ молчитъ и машетъ на насъ руками, какъ только откроемъ ротъ. Но мало-по малу мы вовлекаемъ ее въ бесѣду, и она, какъ хорошій пропелеръ, трещитъ безъ умолку про кота-Шурку изъ «Вдовьяго дома»—большого вора и лакомки, про покойнаго мужа, у котораго была сабля отъ командующаго за храбрость, и про звѣря-Бонапарта.

Мы проѣзжаемъ запущенныя бѣлыя улицы, влекомые безконечно-долго рыжимъ одноглазымъ одромъ, сани подпрыгиваютъ на ухабахъ, сшибаются со встрѣчными, льнуть ко всякому столбу, и Ванька въ гарусовомъ шарфѣ, тяжелой по уши шапкѣ дремлетъ на козлахъ, просыпаясь отъ толчковъ и вздрагивая.

Пронесся мимо, обдавъ насъ теплымъ паромъ изъ ноздрей, съ закинутой, какъ у оленя, головой, горячій вороной рысакъ.

— Па-а-ди!—равкнулъ надъ самымъ ухомъ кучеръ.

Воздвиженка близка. Близокъ и циркъ знаменитаго Гинэ.

Широкій подъѣздъ въ гирляндахъ разноцвѣтныхъ огней, сбоку у кассы жметъ черная кучка людей.

«Конечно, мы опоздали!.. Противный Ванька!».

Представленіе давно началось, изъ цирка сквозь щели въ доскахъ просачиваются заглушенные звуки оркестра, апплодисменты и хлопаніе бича.

— Бабонька!.. Скорѣ! Скорѣ!

Я дергаю ее за одинъ рукавъ, Мишель за другой.

Это хлопаніе бича, музыка, апплодисменты нервируютъ, дѣйствуютъ на меня, какъ крѣпкое вино.

— Сю минуточку.

Бабонька озабоченно ищетъ денегъ; они спрятаны у нея далеко-далеко.

Она подкатываетъ салопъ, верхнюю черную юбку, нижнюю красную и еще, еще, отскикиваетъ узелокъ, долго развязываетъ его прыгающими, узловатыми пальцами и единственнымъ желтымъ зубомъ, тряся головой, и извлекаетъ замасленную трехрублевку. И пока она шаритъ, протискивается къ кассѣ и раздобываетъ билеты, проходитъ вѣчность.

— Скорѣ! Скорѣ!— не перестаемъ тормозить ее.

Бабонька киваетъ головой. Она запыхалась, устала, и кастановый блинъ ей съѣхалъ на бокъ.

Ходъ на вторяя мѣста съ переулка.

Внизу у крутой, плохо освѣщенной лѣстницы, на пустынной площади насъ останавливаетъ человекъ въ потертомъ пальто, бараньей шапкѣ съ подвязаннымъ глазомъ.

— Ваш-ши билеты!

Бабушка суетъ ему и спрашиваетъ:

— Наверхъ?

— Такъ точно!.. Какъ разъ уткнетесь!

Я съ Мишелемъ забѣгаемъ впередъ.

Бабонька еле поспѣваетъ за нами, путаясь въ салопъ и спотыкаясь на каждой ступенькѣ.

Толкаю закрытую дверь. На мгновеніе меня ослѣпляетъ яркій газовый свѣтъ и обдаетъ тепломъ и приятнымъ запахомъ опилокъ и навоза.

Циркъ биткомъ; люди сидятъ другъ на другѣ.

Поверхъ головъ вижу часть купола, слабо освѣщеннаго снизу легкимъ золотистымъ заревомъ, край блестящей стальной трапеции. Сбоку оркестръ играетъ вальсъ, и съ манежа доносится звонкое щелканіе бича, мѣрный бѣгъ и храпѣніе лошади, женскіе веселые возгласы—«Алле гобъ!» и шутки клоуна, прерываемыя часто гоготомъ и взрывами апплодисментовъ райка.

«Скорѣ-бы занять мѣста!».

— Бабонька! Бабонька! Что-же это, ей богу, вы?—чуть не плачу я.

Я начинаю ненавидѣть ее. Ползеть-ползеть, точно, прости, Господи, гусеница какая, и пыхтитъ, кряхтитъ.

Всползла, наконецъ.

— Фу-у!.. А куда пройти намъ, почтеннѣйшіи?—спрашиваетъ она чернаго сердитаго господина во фракѣ съ лугунами, въ ясныхъ пуговицахъ и съ пачкой бѣленькихъ листочковъ въ рукѣ.

— Бил-леты, мадамъ!

— Какіе еще тамъ тебѣ, сударь, билеты!.. Кука! Мишель!—ворчитъ бабонька.

— А вотъ такіе!—билетеръ показываетъ на пачку.—Извините, безъ билетовъ нельзя... Тутъ не университетъ...

— Да мы уже отдали внизу... тамъ одинъ спрашиваль...

— Вольно было вамъ отдавать! Кому отдали, тотъ и поидеть... Попрошу не задерживать. Сквозить. Да и публика въ претензіи...

Бабонька выкатила на насъ большіе глаза и схватила за виски.

Она кинулась въ переулочекъ, отыскала квартальнаго и, отрекомендовавшись оберъ-офицерской вдовой, а также сославшись на Стратона Михайловича—крестнаго, у котораго бываетъ самъ Огаревъ—полицеймейстеръ, взволнованно сообщила ему о мошенничествѣ и просила содѣйствія.

— Помилуйте!.. такой пассажъ!..

Квартальный лишь разводилъ руками и ухмылялся въ засахаренные усы:

— Ничего не подѣлаешь, сударыня-сь!.. Надо осторожнѣе-сь! Москва-сь!..

Видя наше отчаяніе, бабонька стала опять копаться въ нѣдрахъ безчисленныхъ юбокъ, но денегъ больше не оказалось. Только и осталось, чтобы доѣхать обратно домой.

Кликнули вновь извозчика. Мы—я и Мишель—ѣхали молча, оба недовольные, злые, разочарованные, а бабонька, чувствуя свою вину, вздыхала и приговаривала:

— Ахъ, я старая дура! Седьмой десятокъ, а поди!..

Кармень.

Республика дѣтей въ Соединенныхъ Штатахъ.

На одной изъ второстепенныхъ вѣтокъ желѣзной дороги, въ штатѣ Нью-Йоркъ, находится мѣстечко съ очень красивымъ названіемъ Фриуилъ. Поездъ останавливается у стараго деревяннаго перрона съ полусгнившимъ поломъ, и прїѣзжій сразу попадаетъ въ атмосферу дыма и копоти. На гладкой унылой площадкѣ разбросаны тамъ и сямъ мелкія досчатыя домишки. Впечатлѣніе грязи и убожества заставляетъ забывать о громкомъ названіи *).

Минуть черезъ пятнадцать посѣтитель приходитъ въ поселокъ миниатюрной республики съ двумястами обитателей. М-ръ Джорджъ, основатель республики, радушно встрѣчаетъ и охотно знакомитъ желающихъ съ жизнью малолѣтнихъ гражданъ. По обѣимъ сторонамъ дороги тянутся поля и огороды, гдѣ юные граждане и гражданки занимаются сельскими работами. Слышатся пѣсни, смѣхъ, оживленный разговоръ. Дѣти радостно привѣтствуютъ своего «дѣдди» (бабушка), какъ они называютъ м-ра Джорджа. Вотъ одинъ изъ мальчугановъ стоитъ у дороги, не принимая участія въ работахъ. «Что ты дѣлаешь тутъ, Джонъ?»—спрашиваетъ м-ръ Джорджъ. Джонъ сконфуженно отвѣчивается. «Я потерялъ мѣсто»,—отвѣчаетъ онъ тихо.—«Почему?»—«Я нѣсколько разъ опаздывалъ въ мастерскую, и хозяинъ прогналъ меня».

Ближе къ жилью слышится стукъ мотыки, топора, это работаютъ плотники, каменщики. Всюду кипитъ дѣятельность. На большомъ красномъ домѣ при входѣ въ поселокъ республики красуется надпись: «Булочная и кондитерская». Тамъ, подъ присмотромъ булочника и его жены, граждане и гражданки пекутъ прекрасныя булки и готовятъ вкусныя шоколадныя конфеты. Спросъ на тѣ и другія великъ не только въ Фриуилѣ, но и во всѣхъ окрестныхъ мѣстечкахъ. Это—одна изъ наиболѣе выгодныхъ статей доходовъ республики. Далѣе, большая паровая прачечная, гдѣ дѣвочки и мальчики исполняютъ обязанности прачекъ, гладильщицъ, истопниковъ. Здѣсь тоже не бываетъ недостатка въ заказахъ, такъ какъ бѣлье чистится очень хорошо. Въ республикѣ имѣется своя почтовая контора, допущенная вашингтонской администраціей. И граждане вполне оправдали оказанное имъ довѣріе. Въ одномъ зданіи съ почтовой конторой находится и банкъ республики. Онъ отличается отъ настоящаго банка только деньгами, которыя замѣняютъ здѣсь картонными или аллюминіевыми монетами. Всѣ операциі производятся обычнымъ порядкомъ. Ни одинъ изъ гражданъ не можетъ имѣть иныхъ денегъ, кромѣ принятыхъ въ республикѣ. Если у него есть деньги при вступленіи въ республику, онъ долженъ обмѣнять ихъ въ банкѣ и сдѣлать снова обмѣнъ при выходѣ изъ республики на время или навсегда.

Обученіе въ республикѣ бесплатное. Есть школы: первоначальная, гдѣ обучаются безграмотные и малограмотные, и подготовительная, которая готовитъ желающихъ поступить въ высшее учебное заведеніе. Учителя и воспитатели взрослые и не по выбору гражданъ. Библиотека помѣщается въ домѣ м-ра Джорджа. Въ ней имѣются до двухъ тысячъ томовъ разныхъ книгъ, преимущественно религіозно-нравственнаго содержанія. Посѣщается библиотека очень усердно, по вечерамъ она переполнена. Недалеко отъ школы стоитъ маленькая церковь, куда прїѣзжаютъ проповѣдники всѣхъ вѣроисповѣданій. Въ типографіи, которая также выполняетъ заказы со стороны, выпускается два раза въ мѣсяцъ журналъ подъ названіемъ «Гражданъ республики малолѣтнихъ».

Въ полдень работы прекращаются, мастерскія пустѣютъ, на улицахъ по-

*) Freewill—свободная воля.

являются телѣжки съ полей, рабочіе съ тачками, граблями, лопатами. Среди оживленной, веселой толпы можно видѣть по временамъ двоихъ или троихъ гражданъ или гражданокъ, медленно идущихъ по улицѣ съ понуренными головами. Это преступники, которыхъ ведутъ подѣ стражей съ принудительныхъ работъ.

Въ общихъ столовыхъ граждане обѣдаютъ, ужинаютъ и пьютъ чай. Въ часть дня снова оживляются мастерскія—прессовальныя, столярныя, швейныя и т. п. Спальни устроены въ особыхъ помѣщеніяхъ, стѣны которыхъ украшены простенькими картинами или текстами изъ библіи и разными изреченіями, вродѣ слѣдующихъ: «Будемъ мужественны», «Прежде, чѣмъ поступить дурно, подумай о матери». Чаще всего встрѣчается девизъ республики: «Ничего безъ работы».

Разъ въ недѣлю республика особенно оживляется. Экипажи и автомобили снуютъ по улицамъ, съ поѣздовъ прибываютъ гости. Это день суда. Залъ не вмѣщаетъ пріѣзжихъ, мѣстныхъ жителей и гражданъ. Судья, секретарь, присяжные, адвокаты, прокуроръ—всѣ выбраны гражданами изъ среды старшихъ товарищей. Разбираются преступления разнаго рода, какъ неуплата долга, воровство, оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ, неподчиненіе законамъ республики и т. п. Говорятъ, что выборъ судей изъ собственной среды особенно хорошо вліяетъ на юныхъ гражданъ. Они признаютъ всю важность суда и строго подчиняются ему.

Интересно прослѣдить возникновеніе и развитіе республики—этого чисто американскаго филантропическаго учрежденія. Идея принадлежитъ всецѣло м-ру Джорджу. Онъ началъ съ устройства воскресныхъ школъ, дѣтскихъ клубовъ и лѣтнихъ колоній для бѣдныхъ дѣтей. Но скоро онъ убѣдился, что всякая обыкновенная система благотворительности, не основанная на развитіи самостоятельности дѣтей, только вредитъ дѣтямъ, пріучая ихъ къ дармоѣдству. Тогда онъ началъ устраивать лѣтнія колоніи такъ, чтобы дѣти оплачивали посильнымъ трудомъ помѣщеніе, одежду и содержаніе. Мало-по-малу это привилось и вошло въ норму.

Труднѣе было справиться съ присущими уличнымъ дѣтямъ пороками. Воровство, ложь, лѣность, непослушаніе, конечно, были сильно развиты среди нихъ. Путемъ разныхъ опытовъ м-ръ Джорджъ пришелъ, наконецъ, къ мысли о томъ, чтобы дѣти сами судили своихъ товарищей и сами назначали имъ наказанія. Вообще онъ замѣтилъ, что оказываемое дѣтямъ довѣріе и предоставленіе имъ самостоятельности поднимаетъ ихъ нравственное сознаніе. Такимъ образомъ, онъ додумался до устройства отдѣльнаго поселенія для дѣтей, гдѣ они могли бы жить своей собственной, самостоятельной жизнью. Первое время онъ былъ самъ президентомъ налаживающейся республики, но потомъ предоставилъ и этотъ постъ, какъ всѣ другія общественныя должности, молодымъ гражданамъ. За собой онъ оставилъ только верховное руководство всей сложной машиной дѣтскаго самоуправленія.

Законы республики обсуждаются и вырабатываются въ ежемѣсячныхъ народныхъ собраніяхъ. Президентъ можетъ отказаться подписать законъ и отослать его на пересмотръ собранія. Абсолютное veto принадлежитъ исключительно м-ру Джорджу. Всѣ граждане безъ различія пола, по исполненіи 15 лѣтъ, получаютъ право быть выборщиками. Пребываніе въ республикѣ допускается до 21-го года. Срокомъ на голъ выбираются: президентъ, вице-президентъ (не моложе 17 л.), секретарь республики и казначей (не моложе 16 л.). Трое послѣднихъ составляютъ кабинетъ президента, совѣтъ полиціи и комитетъ народнаго здравія. Президентъ получаетъ жалованье 2 доллара въ недѣлю, вице-президентъ, секретарь и казначей по одному доллару. Судья получаетъ 1½ доллара въ мѣсяцъ, судья-дѣвочка (выбираемая для специальныхъ дѣлъ) получаетъ ½ доллара въ мѣсяцъ. Каждый гражданинъ платитъ 15 коп. въ мѣсяцъ подати. Каждая работа въ мастерскихъ оплачивается установленнымъ порядкомъ.

Пасха въ Іерусалимѣ.

Нигдѣ съ такимъ торжествомъ, такъ трогательно не празднуется великій праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова, какъ въ Св. Землѣ. Здѣсь, въ этой странѣ особенно торжественно служеніе воскресшему Господу, особенно радостно проходить великій христіанскій праздникъ среди тѣхъ, предки которыхъ нѣкогда привѣтствовали возставшаго изъ мертвыхъ.

При наступленіи Пасхи, начиная съ вербной недѣли, іерусалимская улина оживаетъ: съѣхавшіе со всѣхъ концовъ міра паломники и туристы считаютъ своимъ долгомъ посѣтить святыни этого города. Прежде всего они направляются въ храмъ Воскресенія Христова. Сильное впечатлѣніе производитъ на нихъ эта вѣковая святыня христіанства: пересказать нельзя того, что чувствуется при входѣ въ великій храмъ Воскресенія. Церковный порогъ разлучаетъ ихъ съ землей; всѣ помыслы ихъ устремляются къ гробу Господню и Голгоѣ.

Величественный храмъ Воскресенія Христова основанъ въ IV вѣкѣ греческой царицей Еленой на мѣстѣ, называвшемся прежде „юдолою мертвыхъ“.

Соотвѣтственно своему высокому значенію, храмъ отличается особымъ благолѣпіемъ: иконы въ иконостасѣ одѣты въ богатія ризы, полъ выстланъ мраморными плитами. Въ нѣскольکو приподнятѣмъ алтарѣ стоитъ большой престолъ, покрытый вызолоченною сѣнью. Изъ алтаря направо вверхъ — ходъ на Голгоѣу, а налѣво — въ ризницу, гдѣ хранятся всѣ драгоценности храма и часть Животворящаго Креста.

Противъ Голгоѣы, шагахъ въ 60-ти отъ нея, находится за рѣшеткою камень, называемый „узы Спасителя“ съ двумя отверстіями, куда были заключены ноги Иисуса во время мученій Его въ Преторіи, изъ которой и перенесенъ этотъ камень.

Далѣе, въ 10 шагахъ, въ углубленіи находится придѣлъ, посвященный Богоматери. Въ бывшей здѣсь пещерѣ воины окружали Божественнаго Страдальца во время приготовленій на Голгоѣу орудія для Его казни. Недалеко отсюда находится лежащій на возвышеніи продолговатый, желто-розовый цвѣтъ, „камень помазанія“, на которомъ Іосифъ Аримаѣйскій и Никодимъ помазали смирной и благовонными мазями тѣло Божественнаго Учителя, по снятіи Его съ креста, а затѣмъ, обвивши пеленами, положили въ гробъ. Камень въ настоящее время обставленъ огромными подвѣщниками и теплящимися надъ нимъ матовыми лампадами. Близъ „камня помазанія“ въ лѣвой сторонѣ изображенъ мраморный кругъ на полу, огражденный желѣзнымъ рѣшетчатымъ колачкомъ и освѣщаемый сверху лампадою. На этомъ мѣстѣ стояла Богоматерь, когда Іосифъ съ Никодимомъ помазывали тѣло Иисуса и обвивали его пеленами.

Недалеко отсюда, на мѣстѣ бышаго сада Іосифа, находится католическій храмъ, въ которомъ за рѣшеткой, открываемой только въ великую среду, хранится часть каменнаго столба, обрызганнаго кровью Спасителя во время бичеванія его въ темницѣ воинами Пилата. Отъ греческаго придѣла во имя св. Логгина ведетъ съходъ въ подземную армянскую церковь, изъ которой еще 12 ступеней приводятъ къ подземелью, гдѣ царицей Еленой въ 326 году былъ обрѣтенъ крестъ Иисуса. Отсюда ступеньки вверхъ ведутъ въ греческій придѣлъ „поруганія и терноваго вѣнца“. Подъ престоломъ этого придѣла хранится часть камня, на которомъ сидѣлъ Иисусъ во время возложенія на Него багрянцы и терноваго вѣнца. Направо отъ алтаря храма Воскресенія, какъ сказано, лѣстница на Голгоѣу. Алтарь и престолъ Голгоѣскіе открыты какъ бы въ знакъ призванія всего міра въ Церковь Христову. На мраморномъ возвышеніи стоитъ величественное во весь ростъ распятіе; кресту предстаетъ, пораженный глубокою скорбью, Богородица и ап. Іоаннъ.

Патріархи и архіереи служатъ на Голгоѣу литургію безъ митръ изъ благоговѣнія къ этому мѣсту и въ воспоминаніе происходившаго здѣсь униженія Христа. Здѣсь-же на мраморномъ помостѣ Голгоѣы обозначены черными кругами мѣста, гдѣ стояли нѣскольکو позади креста Господня кресты распятыхъ вмѣстѣ съ Нимъ разбойниковъ.

Среди храма Воскресенія подъ его куполомъ, въ часовнѣ, или, лучше сказать, малой церкви, находится гробъ Господень, называемый греческимъ словомъ „Кувуклія“. Она образована изъ природной скалы, обложена желтымъ мраморомъ, съ разнообраз-

ними украшениями по стѣнамъ и куполу посрединѣ. При входѣ въ кувуклію горятъ два громадные подсвѣнники, а внутри теплится множество лампадъ. Кувуклія раздѣляется на два отдѣленія: въ первомъ изъ нихъ, называемомъ „притѣль Ангела“, находится мраморная ваза, въ которую вложена часть камня, которымъ былъ заваленъ входъ въ пещеру гроба Господня. Отсюда, т. е. изъ „притѣлья Ангела“, низкій узкій входъ ведетъ въ пещеру гроба Господня. Внутреннее пространство пещеры такъ тѣсно, что одновременно передъ гробомъ могутъ стоять не болѣе трехъ человѣкъ. Половина пещеры занята высѣченными въ каменной стѣнѣ выступомъ, на которомъ было положено тѣло Спасителя. Этотъ уступъ былъ покрытъ мраморной плитой парцей Еленой въ IV вѣкѣ. Это и есть гробъ Господень. Тридцать шесть золотыхъ и серебряныхъ лампадъ неугасимо горятъ при немъ. На прилегающей къ гробу Господню стѣнѣ мозаикой изображено Воскресеніе Христово.

Празднованію Свѣтлаго Христова Воскресенія предшествуетъ въ Иерусалимѣ церковно-религіозное торжество—обрядъ святаго огня, совершаемый въ великую субботу, и особенно торжественный обрядъ освященія пальмовыхъ вѣтвей въ Вербное воскресенье и омовеніе ногъ въ чистый четвергъ.

Въ ожиданіи Вербнаго воскресенія обыкновенно мрачныя по ночамъ улицы, еще съ полуночи предыдущаго дня, озаряются факелами и переполняются народомъ съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, терпѣливо ждущаго торжественнаго обряда.

Освящаемое патриархомъ, масляное дерево спускается на веревкахъ съ храма и, затѣмъ, раздается по частіямъ присутствующимъ. Обрядъ, совершаемый въ память входа Господня въ Иерусалимъ, при наличности многочисленной толпы производить впечатлѣніе чего-то особенно торжественнаго.

Присутствуя при обрядѣ „омовенія ногъ“ въ великій четвергъ, рѣдкій паломникъ, при видѣ того, какъ патриархъ, въ присутствіи массы народа, снимая митру, панягу, омофоръ и саккосъ, начинаетъ обливать ноги „учениковъ“ и лобзая ихъ, въ состояніи удержаться отъ приступа слезъ умиленія. Сердце толпы тронута... Со всѣхъ сторонъ слышны тихія рыданія.

А въ субботу, рано утромъ, лишь только взойдетъ солнце, въ храмѣ Воскресенія тушатся всѣ лампады. Около 11 часовъ, въ присутствіи турецкихъ властей и греческаго драгомана, производится тщательный осмотръ часовни гроба Господня, послѣ чего дверь св. кувукліи запирается и къ ней въ четырехъ мѣстахъ прикладываются восковыя печати. Въ полдень, греческій патриархъ входитъ въ храмъ Воскресенія и направляется въ алтарь, гдѣ уже его дожидается греческое духовенство, а за нимъ является клиръ другихъ церквей.

Воскоръ начинается церковная процессія, съ хоругвями, рипидами и крестами, направляющаяся къ животворящему гроу Господню, причемъ священнослужители и пѣвцы поютъ тропарь: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе...!“ Торжественная пѣнь Воскресенія производитъ неописуемое возбужденіе въ рядахъ многочисленныхъ массъ народа. Процессія во главѣ съ патриархомъ трижды обходитъ вокругъ кувукліи и останавливается передъ дверьми ея съ пѣніемъ. Здѣсь греческій драгоманъ снимаетъ печати съ двери, и патриархъ входитъ туда, снимая саккосъ, омофоръ, палицу и митру и взявъ въ руки два серебряные свѣтильника съ незажженными свѣчами для передачи святаго огня изъ окна кувукліи; съ нимъ также входятъ со свѣтильниками армянскій патриархъ. Затѣмъ двери затворяются, и патриархи повергаются въ молитвъ нищъ передъ гробомъ. Весь храмъ замираетъ и сердце вѣрующихъ сливается въ одною молитвенномъ порывѣ.

Но вотъ изъ сѣвернаго и южнаго оконъ кувукліи народу протягиваются пылающія свѣчки свѣчей, и тысячи собравшихся въ храмѣ громкими криками восторга встрѣчаютъ се. огонь. Черезъ нѣсколько минутъ храмъ освѣщается пѣльнимъ моремъ огня. Открываются двери кувукліи, появляются патриархи, которыхъ восторженная толпа на рукахъ несетъ въ алтарь. Обрядъ заканчивается торжественной литургіей, по окончаніи которой вѣрующіе разносятъ священный огонь по храмамъ и домамъ. Благочестивые вѣрующіе за тысячи верстъ везутъ себѣ священный огонь на родину.

Дѣтскія игрушки.

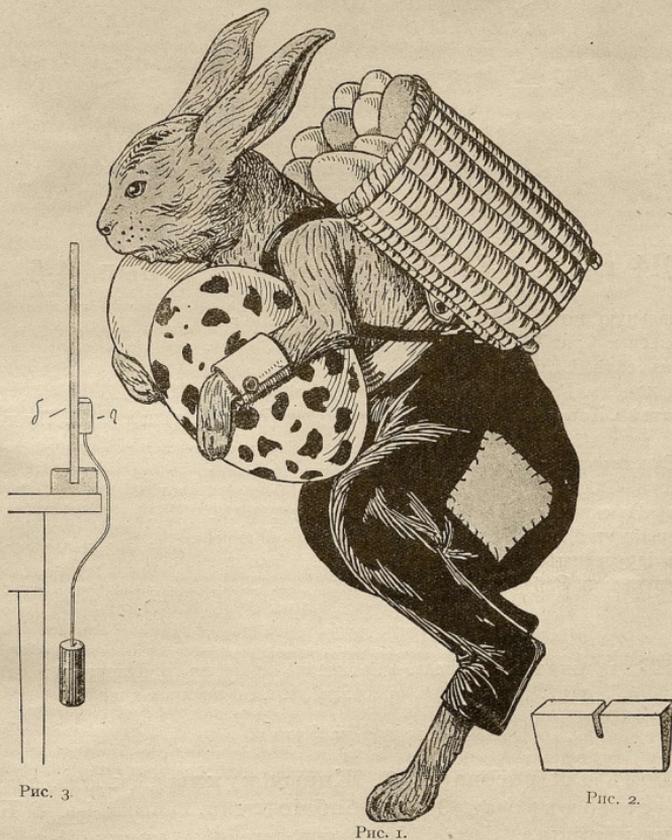

Рис. 3.

Рис. 2.

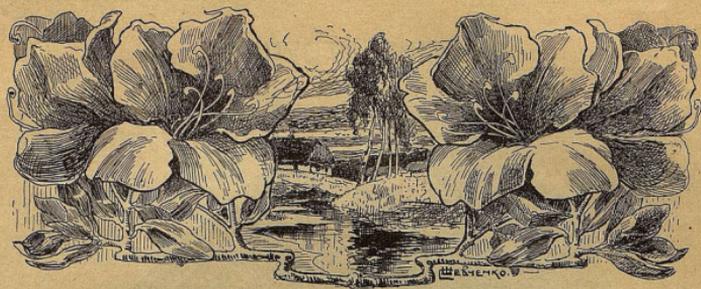
Рис. 1.

Зайчикъ - продавецъ.

Пасхальная игрушка.

Переведите посредством синей копировальной бумаги рисунок 1 на толстый картон и разрисуйте акварельными красками или лакомъ для яицъ точно такую деревяшку, которая дана на рис. 2, заостренная книзу. Въ среднюю щель, вклейте ланку зайца. Въ другую деревяшку (см. рис. 3 а) вдѣляйте кусокъ проволоки на концѣ которой пристройте гирьку. Деревяшку а придѣляйте къ деревянной планкѣ и приклейте все къ верхней части ноги зайца. Теперь поставьте зайченка на край стола, толкните пальцемъ проволоку съ гирькой и зайчикъ будетъ балансировать, стоя на столѣ.

1914 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Вып. 4-й.

Въ пасхальную ночь. Стихотвореніе Я. Тисленко	116
Начало весны. Стих. А. Липецкаго	117
Вечеръ въ селѣ. Стих. П. Зорева	118
Золотой конекъ. Разсказъ И. Н. Потапенко	119
Дѣль Матвѣй. Картины деревенской жизни. Соч. Скитальца (С. Г. Петрова)	126
Утро. Стихотвореніе Вл. Нарбута	130
Трубочистъ. Сказка С. И. Гусева-Оренбургскаго	133
Бабонька. Разсказъ Кармена	138
Республика дѣтей въ Соединенныхъ Штатахъ. Очеркъ	141
Пасха въ Иерусалимѣ. Очеркъ	143
Дѣтскія игрушки. Зайчикъ-продавецъ	145

КАРТИНЫ: 1) Ангель Хранитель. Картина въ краскахъ Б. Плоггорста. 2) На зарѣ. Картина въ краскахъ А. Ковальскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- 1) Альбомъ для рисованія 2) Живыя куклы. Альбомъ игрушекъ-самодѣлокъ. 3) Моя библиотечка, книжка 4-я. 4) Библиотечка-игрушка. Дѣтскія игры и развлечения, книжки 1-я и 2-я.

З А Я В Л Е Н І Е .

Контора журнала „ЖАВОРОНОКЪ“ считаетъ долгомъ напомнить лицамъ, пользующимся разсрочкой платежа, объ аккуратномъ взносе денегъ.

Деньги должны быть получаемы конторой отъ иногороднихъ подписчиковъ не позднѣе полагающаго срока, такъ какъ не поступающій въ розничную продажу журналъ „ЖАВОРОНОКЪ“ печатается въ количествѣ экземпляровъ, не превышающемъ числа подписчиковъ, и потому позднія заявленія о желаніи продолжать подписку за неизмѣнимъ достаточнаго количества слѣдующихъ №№ и приложеній, приняты, ни въ коемъ случаѣ, не будутъ. Г.г. иногороднихъ подписчиковъ при высылкѣ денегъ контора проситъ обязательно прилагать печатный адресъ съ бандероли съ указаніемъ, что деньги высылаются въ окончательную уплату за журналъ.

Редакторъ-Издатель Н. В. Корецкій.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1914 Г.
НА ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ИЗБРАННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ДѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЖАВОРОНОКЪ

съ картинками въ краскахъ, приложеніемъ книжекъ и подарковъ дѣтямъ
Подписавшіеся на 1914 годъ получать (ежемесячно 1-го числа).

12 ИЛЛЮСТРИРОВ. ВЫПУСКОВЪ
Литературнаго и Научнаго
журнала ДЛЯ ДѢТЕЙ.

15 художественныхъ картинъ,
исполненныхъ
КРАСКАМИ.

10 КНИЖЕКЪ собранія рассказовъ для дѣ-
тей знаменитыхъ русскихъ писателей, съ
портретами авторовъ.
„Моя библиотечка“

10 КНИЖЕКЪ съ картинками
„Книжка-хохотушка“.

10 КНИЖЕКЪ съ картинками:
„БИБЛИОТЕЧКА
ИГРУШКА“.
Дѣтскія игры и развлечения.

10 КНИЖЕКЪ съ картинками
„ДѢТСКІЯ РАБОТЫ ○○○
○○○○○○○○○ и ЗАНЯТІЯ“.

ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ:

Новогодніе подарки:

АЛЬБОМЪ ДЛЯ ЛЮБИМЫХЪ СТИХОВЪ.
ШЕСТЬ ИНТЕРЕСНЫХЪ ИГРЪ.

Пасхальные подарки:

ИЗЯЩНЫЙ АЛЬБОМЪ ДЛЯ РИСОВАНІЯ.
АЛЬБОМЪ КОМИЧЕСКИХЪ ПРЕВРАЩЕНІЙ.

Рождественскіе подарки на елку:

8 ЖИВЫЯ КУКЛЫ
ИГРУШЕКЪ САМОДѢЛОКЪ
Вырѣзные фигуры, съ приложе-
ніемъ руководствъ.

4 ПОТЬШНЫХЪ МАСКИ
длЯ РОЖДЕСТВЕНСКИХЪ ДѢТ-
СКИХЪ спектаклей и вечеровъ.
Съ приложен. весел. дѣтск. пьесы.

ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЯ ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА.

картина
въ краскахъ
ГУТМАНА

ШАЛУНЬЯ-БАБОЧКА

работы поставщик.
Дв. Е. И. Величества
Голике и Вильборгъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылк. 5 р., на полгода 2 р. 50 и.,
на 3 мѣсяца 1 р. 25 и. За границу 8 р.

Редація журнала «ЖАВОРОНОКЪ», Спб., Невскій, 114.

Редакторъ-Издатель **И. В. Короцкій.**